

Дарья Раенко

Настоящая подпольщица

Дарья Раенко

Настоящая подпольщица

«Автор»

2026

Раенко Д.

Настоящая подпольщица / Д. Раенко — «Автор», 2026

Фанни Голембиовская, выпускница Колледжа Всеобщего Корпуса, грезит службой эвакуациониста — «фламинго», спасающих людей из несправедливых эпох. Но вместо героических миссий ей поручают адаптацию Сьюзен Хатчинсон — девочки, вывезенной из Нью-Йорка 1643 года, чья мать пропала в запутанной войне с Шомронской республикой. Пытаясь вернуть Сьюзен веру в новый мир, Фанни оказывается втянута в самодеятельное подполье вместе с Борей и закланной соперницей Катей. Их борьба против Шомрона быстро превращается в опасную игру с хронофобией, нетерпимостью и соблазном «правильного» насилия. Фанни предстоит выбрать: громкое геройство или ежедневная ответственность за конкретного человека, ненависть к чудовищу или шанс не стать им. Это история взросления, дружбы и сопротивления — в мире, где прошлое можно переписать, а совесть нельзя.

© Раенко Д., 2026

© Автор, 2026

Дарья Раенко

Настоящая подпольщица

Солнечный свет лился сквозь купол атриума, как свежая вода из садового душа. Лучи преломлялись в стекле витража и брызгали на обитателей Колледжа Всеобщего Корпуса разноцветьем не петербургского — родного южного мая. Последнего месяца в статусе воспитанницы и первого в статусе... кого именно?

Экзамены должны были помочь с решением: проверить знания, выявить склонности, напомнить, наконец, о чём грезилось три года за партами и мониторами, подтолкнув к первому взрослому шагу. Фанни вспомнила последнее тестирование — ладонь сама сжала платок с вышитыми в уголках жёлтыми лютиками.

«Высокий уровень обучаемости, выдающиеся когнитивные способности, значительный потенциал», — щебетал неделю назад старший тьютор птенцом, учувшим солнце и свежие листья. Но после щёлкал ударом: «Для нижнепериодной». Официальная классификация не имела значения в быту: рождённые до XX века по умолчанию получали снисходительное отношение, пока не доказывали, что заслуживают иного. А заслужить было непросто.

Фанни зажмурилась и запрокинула голову. Здесь, в атриуме, она выслушала первый инструктаж по пребыванию в верхних периодах. Тут же, на скамьях вдоль стены, зазубрила прямо перед тестом классы эвакуаций — самую сложную тему на первом курсе. Примерно там же год спустя нашла сначала лучшую подругу, а после — заклятую соперницу в Кате Либиковой, дочери каких-то художников-диссидентов. Отыскать мгновение, чтобы посмотреть вверх, казалось в этой карусели делом невыполнимым. Вероятно, пришло время? Может, искусство даст знак?

По бирюзовой глади свода, поглощавшего гул зала, рассыпалась золотыми стёклышками Евразия. За края континент держали пять пернатых-символов Корпуса. Белый хохлатый попугай — покровитель естественников — отрешённо тянул к себе в клюве Иберию. Такой же безразличный зелёный дятел — питомец дипломатов и социальных исследователей — хватался коготками за Аравию. Скандинавия досталась крошке-канарейке, почти слившейся с краями материка, как рутинный труд педагогов и инспекторов растворяется в буднях. Камчатку оберегал, раскинув иссиня-чёрные крылья, чопорный ворон с нашивок исследователей глубокого прошлого. Самая величавая птица — малиновый фламинго — гладил лапой Индостан и косился вниз живым, добрым, понимавшим всё изумрудным глазом.

Вот бы получилось. Вот бы и правда это был знак.

— Эвакуационкой гредишь? — знакомое фырканье защекотало между лопаток. — Себя хоть пожалей, дурашка: столько терзаться о несбыточном! С твоим нижнепериодным умишком хоть бы в «канарейки»...

Платок сжался под пальцами ещё сильнее. Фанни показалось, жёлтые нитки вышивки заныли от натяжения. Захотелось ответить порезче, но...

— Екатерина, ваш комментарий обесценивает труд служащих Корпуса. И дышит хронофобией, — Санель Аслановна оборвала Катю прежде, чем Фанни успела придумать остроту. — В нижние периоды с таким не возьмут.

Фанни обернулась: Катя ёжилась, поджимала губы, но всё же пробурчала дежурное «простите, гайстфрау» — не больше. В Смольном после подобного садились в реверансе, здесь, в верхних периодах — просто кивали. Катя решила обойтись.

— Извиняться нужно не передо мной, а перед коллегой. Впрочем, побеседовать вам всё равно придётся позже. Фанни, отдел распределения начинающих ждёт.

Каблучки цокали по мраморному полу в ритме сердца. Звук пытался заглушить чирикание курсантских стоек — уже распределённых и получивших шевроны — но не слишком успешно:

— Не поминайте лихом — помирать со скуки еду! Инспектировать церковное училище в Торжке-1851, будь оно неладно!

— ...я ей: а рейвы и сходки? А она: серьёзнее, Петербург-1998 — место опасное, да и вы едете не шататься по значным местам, а эвакуировать... Ой, чуть не проболталась — «фламинго» называется, хи-хи! Нам строго-настрого запретили раскрывать имя эвакуанта!

— Переговорная группа? Варшава-1831? Теперь понятно, почему ты прыгал так, что стены дрожали! Целуйте скорлупу, «дятел» вылупился!

От слова «Варшава» горло будто заволокло невидимой тонкой плёнкой. Дыхание копилось и томилось в груди, голова кружилась. Вспомнился последний день в родном 1863 году — февральская зябкость, белая до рези в глазах палата лазарета, бледно-лимонное платье «канарейки» и мамины духи, героически вынырнувшие из штормовых волн карболки:

— Я слегка запуталась. Вы хотите вылечить Фаннечку? Изъять её для работ? Но...

— Не беспокойтесь, пани Голембиовская, — елей терпения в голосе «канарейки» плохо скрывал усталость. — Евразийская Конфедерация позволяет родившимся с 1701 по 1895 годы, но не дожившим до четырнадцати лет переехать в верхние периоды на попечение Всеобщего Корпуса. Ваша Фанни — наш случай. С нас — учёба, полное обеспечение, лечение — даже чахотки, мы умеем. С вас, точнее, с дочери — согласие жить в верхних периодах.

— Гжегож говорил, там какая-то война

— Это в двадцатых годах, до Конфедерации. У нас уже десять лет как мир и единство. Чуть не забыла: при желании Фанни сможет продолжить учёбу и с восемнадцати лет заступить на службу в Корпусе. Специальности разные — от инспекторов вроде меня до эвакуационистов...

— Простите, кого?

«Канарейка» зыркнула по сторонам и перешла на шёпот:

— Вести из Варшавы слышали? А про Цёлково, про Плоцк? Те, кто сейчас выводит людей из-под огня и отбивает от казней — эвакуационисты.

Мама прижала ладонь в нитяной перчатке к груди:

— Получается, моя Фанечка сможет... И тато Стуся тоже? Он ведь в тридцатом бился — за то его с маленьким Стусем на Кавказ и отправили.

— И не только его. Всех, по кому проехала несправедливость. Разное может статься, — кивнула «канарейка». — Подписываете согласие?

Воспоминания отогнал шорох раздвижной двери. Свет в отделе распределения был тускловатым, будто в него серой краски подмешали — по всей видимости, из-за зеркальной карты на всю заднюю стену. Ярко-зелёные, прорезанные бурыми горами континенты плавали в синей черноте морей, как спасительные плоты. Только Северная Америка «кровоточила»: по краям атлантического побережья рассыпались алые пятна, стекавшие вниз, к югу, розовыми лепестками разводов, точно у бегоний на клумбах между спальными блоками.

Сводки с фронтов заокеанской гражданской войны — девятнадцать участников, клубок из семи пересекающихся друг с другом коалиций — всплывали на экранах каждое воскресенье. Журналисты дозировали материалы: иначе лента утонула бы в новостях про бои и однообразных комментариях-прогнозах. Правда, даже «капельный» полив бил по темени горьким знанием: на континенте резвится Шомронская республика, которая отняла у женщин паспорта, право голосовать и зарабатывать. Резвится не только в XXI веке, но и в средних — с XVIII по XIX века — и нижних — с XV по XVII столетия — периодах. Вербует в солдаты. Утаскивает в подневольные работники. Провоцирует подкожные фурункулы войн и поднимает волны беглецов.

«Цветение» на карте явно тревожило главу отдела — невысокую женщину с короткими седыми волосами и морщинами вокруг слегка злых глаз:

— Ёмкость хаба — три тысячи мест, — держала она ладонь у уха, оперевшись локтем о стол. — Питер физически не может принять всех эвакуантов войны Кифта. Обратитесь к Рейкьявику, к Нууку, если логистика позволяет... я перезвоню.

Седая встряхнулась, поднимая голову. Ладонь скользнула вниз, на гладь стеклянного стола. Взгляд впился в Фанни булавкой:

— Голембиовская? Наконец-то и до вас дошли руки. Нель, напомним баллы? У меня с шести утра в мозгах одни эвакуации из Новой Англии.

Санель Аслановна выудила из кармана миниатюрный смартфон. Из своей адаптационной группы Фанни первая освоила устройство. Некоторые думали, что из желания выделиться. На самом деле — из желания забыть Смольный. И от скуки: неделя в карантинном боксе не радовала развлечениями.

— Без проблем, Рина. Так, концепции современной истории — сто, естествознание — девяносто девять, теоретическое и практическое моделирование социальных процессов — сто, классификация и регламенты — девяносто девять, техника и этикет коммуникаций — сто.

— Вспомнила, спасибо, — тряхнула головой Рина. — Преподаватель коммуникаций уже просил её в ассистентки. Не вакансия, а мечта: с учёбой совмещать удобно, перспектива — курировать будущих общественных деятелей. Что думаете?

Фанни поникла: ассистентство было классической «канареечной» должностью. Проверять данные для тестирований, загонять обучающие материалы в «адаптирующие модели» и ставить оценки сгенерированному, напоминать подросткам про сроки экзаменов. Ничего героического. Мечта Марии Фёдоровны, видевшей в выпускниках Смольного идеальных чулочниц, кухарок, кружевниц, нянь и прочих невидимых тружениц. Просто на другом витке технологического развития.

— Я буду рада любому назначению, но, может, есть ещё варианты?

Фанни, ответив, вздрогнула: Санель Аслановна нахмурилась тропической тучей. Рина, напротив, выдохнула с облегчением:

— Разумеется. Выпускникам и выпускницам с такими результатами, как у вас, мы обычно даём право выбора. В силу некоторых обстоятельств в хабе появились вакансии помощников этических координаторов. Быть рядом с эвакуированными, рассказывать им, как устроен мир, поддерживать при трудностях. Вас приставим к девочке из Нью-Йорка-1643. Справитесь с первичной адаптацией — направим на курсы эвакуационистов из нестабильных периодов.

Дыхание снова перехватило. Этические координаторы считались первой ступенью «фламинго». Не прикрывать грудью несправедливо осуждённых и не устраивать побег, конечно, но уже что-то: контакт со спасёнными, их обучение большой и сложной жизни в Конфедерации. Теперь мамина мечта исполнится — хоть на зёрнышко. А Катя лопнет от самодовольства.

— Я согл..., — собралась ответить Фанни, но Санель Аслановна настороженно наклонила голову и прищурилась сквозь круглые очки:

— Нью-Йорк-1643? Ты серьёзно?

— А что не так? — Рина пыталась звучать уверенно. Получалось, как у курсанта, который сгенерировал презентацию за пять минут до ответа и теперь пытался выкрутиться.

— Семнадцатый век, — стиснула зубы Санель Аслановна. — Глобальный кризис. Бобровые войны с грызнёй колонистов, посыпанные шомронскими рейдами. Ты уверена, что хочешь дать человека оттуда новичку?

— А что такого? — неуверенно пожала плечами Рина. — Фанни ведь нужна возможность проявить себя!

В груди горело ласковым каминным огоньком: ей доверяют, её хотят видеть не девочкой на побегушках, а кем-то важным и отважным. А что до кризиса... В годы Санели Аслановны нестабильные периоды, наверное, плохо понимали, но ведь сейчас про них столько известно! К тому же, разве сто баллов за историю и за моделирование ни о чём не говорят?

— Я справлюсь, — забормотала Фанни торопливо, чувствуя, как шанс вьётся меж пальцев увёртливым шёлковым шарфиком. — Пожалуйста, я очень хочу проявить себя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.